

КЕТИ ЧУХРОВ

ПРОСТО ЛЮДИ

АЛЬМАНАХА «ТРАНСЛИТ» И СВОБМАРКСИЗА

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

translit

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС, ИЛИ ВСЕ ЕСТЬ

цирковая комедия с элементами акробатики

Действующие:

Один из городов пост-советского пространства, 1992 год, комендантский час (сцена коллективного доедания продуктов).

Зина — студентка пединститута, любит Гену. У нее есть муж, Вадик, она его жалеет.

Геннадий — студент того же института, любит плотски Зину, а духовно Анну Ахмедовну, свою пожилую преподавательницу по истории литературы.

Вадик — муж Зины, умственно неполноценный из-за контузии; его контузило после того, как в его дом попал снаряд, любит жену.

Анна Ахмедовна — преподаватель литературы, любит искусство.

С потолка капает вода, судя по всему, квартиру затапливает сверху.

В доме полпачки макарон, 200 грамм полукопченной колбасы, полкирпича сухого хлеба, банка маринованных помидоров, полбутылки кваса, пакет кефира (квартира Геннадия, 20.45 вечера. Осталось 15 минут до комендантского часа. Все вынуждены остаться в квартире Гену, в том числе и пришедшая к нему в гости Анна Ахмедовна).

Вадик: (контуженый, поэтому говорит очень громко, почти кричит)

Я тебя лежать заставлю Зина

Я тебя визжать заставлю Зина

Я тебя давно

колбаса мокра́, мокры хлеб, волоса́,
ты их купала что ли куклами два часа.

Зина:

Вадик, это соседи уехали, вода от них протекла
комендантский час начался
мокрая еда питательнее в два разá.

Гена:

ну и начнем ее хоть и мало,
когда-нибудь, чтобы ее не стало, а мы
оставаться стыть начнем непременно

Вадик:

Мне нужна и она колбаса и Зина,
любовь моя как резина,
fuck пытаюсь я даун зину, но понимаете
не знаю где хуя моего дыня.

Гена:

Воняет Вадька, ты хуй ему мыла?

Зина:

хуй его зачем мне, он ведь не пальто,

я потому мыла другое ему совсем,
ну например ягодицы, пятки Вадику,
мне что еще делать, разница
какая где с кем делать что.
Земле больно,
так она не знает,
А Вадик посмотрел кино,
в меня сует предметы какие-то
очки например иногда
а мне терять-то что
колбаса граммов сто
всегда со мной
меня не бросит.

Геннадий:

Я вдруг не буду колбасу,
Не буду я бордо-красу
а буду Зину,
Ноги-руки ей как разину,
а то когда еще
наполнится смогу?

И чем?

Ведь и стремительно я только и стою
И жердь и остро и в белом
В жакете на смуглом голым
мама дала и вот тепло,
Зато голая теперь она:
«Продала так я всё, что даже деНЪги я продала»,
Мама сказала, ну совсем около кала

Зина:

температуру вижу я огромную
глаз твоих.
бегут вообще они и выпрыгнут
и покатаются немного у меня в руке,
а я как будто бы пожар поела
и изнутри сгорела,
а так снаружи снеговик. Зима?
пришла ребята? И давно?
Геннадий все в тебе ново.

Так почему близка она была настолько к калу?

Гена:

на унитаз с разбегу мама как насела,
и было все в нем так старо и серо
и вбок пошло внезапно все: и унитаз и кал и мама, и все просело,
а где сантехника сейчас найти,
теперь в тарелки срать ей надоело,
тазы подорожали, горшки малы, — а мне какое дело.
О полимеры, О пластик, О алюминий — она пропела

Зина (подходит к Гене):

пройти в другую комнату нам надо
и занять там новое и невпопад

как головой в нее врублю
и рылом докажу: удар люблю я флаг.

(Вадик бьется о стену головой, Геннадий проводит по Зине вертикальную полосу маркером)

Гена:
покрасим зину
поделим и позырим мы ее умноженной.

Вадик:
0,5 лишь Зинаиды? Со мною вместе полтора,
какая женственная цифра прекрасна как пол-литра

а воздух — это зеро, и всё к нему прибавленное
— тоже пустота.

Зина:
я помню, Вадик, эта жизнь
уже была, и воздух просто стер нас старый
диск тогда, и воздух постоянно эта сволочь
стирает быстро

Как хороша погода по утру
и почему я на фиг не сочувствую
разорванному в клочья нашему нутру

(В этот же момент к Гене приходит Анна Ахмедовна, врывается в ту же комнату, полная пожилая женщина 67 лет с сумкой, любимая учительница Геннадия)

Анна Ахмедовна:
Висение на мне желёз
и живота трясина
пупка морщина
и бедра откос Бодлера любят.
А сумкой меня лупят,
Как смеешь — спрашивают —
Ты так часто в маршрутке пукать,
хрустальная ты наша требуха.
Я им сказала в транспорте,
что я искусству отдана

Геннадий (стоя между Зиной и Анной Ахмедовной):
Ахмедовна вас много так как жабы,
Чтоб сексуальнее должны вы быть пузаты,
Вот вы болеете, мне говорили в кулуарах,
И скоро задерут как парус юбки вам —

(задирает ей юбку, видны длинные теплые трусы до колен на полных бедрах)

Анна Ахмедовна:
О элегантность и моя неисправима,
Геннадий, вы, надеюсь, выучили произношение слова sestina.

Геннадий:

Я жир ваш изучал и жалобно желал,
на сковородку мысленно клал и вместе с ним пылал,
на вашу фотографию морду клал, ничего не жрал —
— вас ждал.

Зина (направляясь к Гене на носках):

Не люби ты ее Геннадий,
Зачем искусство это тебе Геннадий,
Я теперь через котельную домой хожу Геннадий,
Там почти не стреляют, Геннадий,
и школьники все срезают дорогу в котельной, Геннадий,
жарко жить Геннадий в котельной,
там на шпильках дефиле устраиваю я Геннадий, как будто
снимаюсь в кино в жару иду виляя
к трубе то есть к тебе будто

Анна Ахмедовна:

молчать, стоять — молотком и гвоздями
стóпы ей Геннадий вбивать

Гена:

зачем ей ноги прибывать,
мы же посылать ее хотели за продуктами в смоге.
Ног

Мега

—Бег

Наг

Зина:

С ногами нагими в снег?
Ни на шаг,
Обед настал Геннадий,
сколько-нибудь мне дай

Анна Ахмедовна:

Die! Хочешь вместе со мной,
тогда любить тебя совсем легко нам будет,
и пойдем мы напоследок бояться в кино

Гена:

О в магазине хлеб гоним
и денег нега так гонима, и апіта аттака
бежит за нами,
и гоним любой продукт из живота предатель,
да будет жизни «вот»! и то гонимо,
а палачи? они в сортире плачут, и
прячутся вдруг.

Ну почему гора неисполнима
А я бы мог придумать на нее наскок,

Смотри, гора больна, она изнемогла,
взорвем ее местами и ущерб начнем ласкать

Зина:

купи ее и заверни мне

Геннадий:

гора — секрет открою — уже моя,
бывало лезу в гриме на нее изображая Гете:
и Гёте например горé:
«góре Гёте» — Гёте горé.

Анна Ахмедовна (кладет Геннадия на пол, встает ему на живот):

логику ложила и линейкой била
в соответствии с чем решила:
Давайте проткнем Зине ряд вен,

Геннадий (говорит хрипя, так как на его животе стоит любимая Анна Ахмедовна):

уплотнение должно быть прекрасно
давление в упор приносит Канта кишкам?

я обещаю спеть, тренироваться
и как державы вас терпеть хлам.

а трава, я сказал, нужны ли тебе треугольники
или цилиндры, нужна ли тебе Москва
в миске скоро и скамейка как будто...
скма,

Зина (толкает Вадика, который падает на пол, она вслед за А.А. встает на его живот):

В Москве я была,
Эта Москва совсем.
в кафе дайте кофе...
в подъезде нюхайте муде
Глаз — glass в магазине
Глаз — glass в магазине
глаз лез фаст
спейс кейкс швецп
сок соус в кино кокс кекс секс
попс — и далее то, что на углу уже во рту
но никакое в виду —
— опоздало,
и москва не успела ты тоже

Гена:

но докажи нам Зина и сейчас,
что все у бога и ему как раз
и вдруг дошло

Зина:

ахмедовна пришли вы после нас
на вас остался лишь квас
за остальными продуктами мы все закреплены
вы не должны быть этим удивлены
уйдите и оставьте нас любой ценой
и даже гололеда

Анна Ахмедовна:
Геннадий не дадите ли вы мне чего-нибудь еще
Ну вместо духа или же его клейма
Я думаю покусать все-таки мне суждено

Геннадий:
я вас люблю любовь еще быть может
равняется желанию к закуске
представьте, что смотрите в глаза Прусту
и не теряете время попусту
всего лишь сознание теряете и воспаряете

Последняя сцена

Как бы один текст в четыре голоса, все сидят вокруг стола, доедая все, что осталось.

Зина:
светло клянусь несмотря
Вадик:
колбаса не фантазм но

Зина:
здесь она будет недолго

Гена:
ты за ней не пойдешь ли Зина?

Зина:
я про нее никогда не забуду:

Гена:
я тебе сказал Зина: — ты фикус,
а что он делает, что он творит
фикус,
что он изменит?

Зина:
Знаете, а в унитазе у нас
завелась крыса,
Я на толчок недавно как насела,
она заскакала,
крыса скакала и кричала:
не жопа это, а облака мама.

Гена:
для колбасы нужна работа,
работа для колбасы — весна.
колбаса денег ждет,
Денег ждет все.
Раньше бывало я в сберкассе банкноты несу,
а теперь как цыганка в трусы ложу

Гена:
Что настает Зина независимо от ...

настает Зина Что,
что может вообще наставить,
где настает что-то, Зина, покажи

Зина:

Настает все-таки колбаса
Да будет с нами покупка всегда

Гена:

Давайте пропечатаем ее на щеках
Тогда не надо будет ходить в магазин туда-сюда,
Мы больше не будем голодные никогда,
просто останемся здесь вместе на века.

2004

ВЕЛИОР* И ЕГО ВОЛГОГРАД

Посв. О. Чернышевой

Велиор — 37 лет, молодой продавец, алкоголик, раньше продавал в Москве цветы, теперь живет под Волгоградом, не работает. У Велиора есть сын, которого он забирает на прогулку из детдома раз в месяц.

Лёка (Илона) — сестра Велиора, приехала к тете подработать в Москву, 28 лет, работает в столовой, едет в Волгоград из Москвы навестить брата.

Клава — их тетя, тоже в прошлом из Волгограда, 73 года, теперь московский пенсионер, бывший кассир в продуктовом магазине

Москва. Щелковский Автовокзал. Лестница. На ней сидят Клава и Лёка.

Лёка:

да здравствуешь Ты,
щелковский Ты автовокзал.
Это первое предложение просто будет так громко,
а дальше тише.
На лестнице — мы клава тетя,
автобус надо подождать, а помнишь дядя,
умер когда понял, что это невозможно — умирать,
подвинься Клава, все же мне надо лечь
и одолжи куртку одолжи накрыться... тефтели

(пытается содрать с Клавы куртку)

Клава:

пассажиры и даже будущие пассажиры?
вы — надеюсь не звери и не Лиры.
а куртку я не буду и не буду ей давать,
чтоб на заплеванной лестнице, да?
чтоб на заплеванной она?
а я потом на себя ее — да?

(обиженная Лёка уползает вверх по лестнице)

Ты почему туда?

Лёка:

а как ну ты же мне ничего не дала так и,
уползу дальше, уползу наконец высоко,
срочно пора плевать В и В глаза тебе

Клава:

пассажиры уже думают, просто позор
беру фломастер, он мой хор
и вот напишем на твоём челе: «сука»
на щеке — «Лёка»,

(поднимаясь по лестнице и хватая Леку за волосы, пишет на ее лице эти слова)

ты так поедешь в Волгоград
Волгоград встречать сук рад.

(пауза)

В магазине в тот день напечатали:
настала ваша расплата Клава,
т.е. опять у вас растрата,
на доску позора повесили,
А я всего лишь Дуське бесплатно молочные спускала,
Вот и набралось, откуда ж я знала, что она помрет,
Долг не вернет.
и Велиор наш тогда в Волгоград от стыда устремился
и имел там джинсы.

Лёка:

не только джинсы имел,
имел дополнительно цветы,
цветы продавал, позже пинал их пинал,
теперь всё — продавец, т.е. прото-давец, т.е. перед давать взять бабец
и греть у сердца, на грудь наклеивать, несмотря на шмерц

Клава:

«не понимают меня без джинс,
что делать, не понятны без них и ягодицы» —
так восклицал Велиор, «грудь бездыханна без трикотажа,
промышленности осанна,
продовольствию — слава! елде и бюсту нужна канава
выгодная, и право выступать».

Лека:

Джинсы! — прилежно тесны
и складчаты вокруг елды,
ты тоже «девушка» — елда,
а ты не знала и врала,
лежишь улановой всегда одна

я уезжаю

Клава:

в москву? в воркуту? в воронеж?

Лека:

они любили космос — сократ и его ужи
и спали косичкой перé-плетены —
не в Волгограде, куда я выеду.

Клава:

где же тогда были рабы,
ну вот они спали — Сократ и его ужи,
звезды со-óтнесены,
мироздание здесь, ваяния еще не сожжены

Лека:

в волгограде они были

Клава:

это была я в 43-м, ты хочешь сказать, раба́,
носила дочь под рубахой как будто она еще жива,
а дитё — неделю как уже умерло,
но у ребер сладко и скользко легло и лежало,
а лифчиком мне жало,
под ним я его держала, в туалет брала,
смотрела себе сквозь щели вперед,
думаю немцы отойдут, а я выползу из сортира,
и дитё положу под закопанный паёк.

Лека:

Автобус! Автобус! Клава!

Клава:

ну едь Лёка — шалава,
а можешь не ехать.

Лека (высовываясь из окна автобуса):

туфель русок какой и когда?
я знаю — который пробит током,
пока! (уезжает).

Клава:

Сейчас туфли вездеее! Не то, что тогда,
они эти туфли как любовники прямо,
а зря их я в лифчик тогда не клала,
каблук разве не грудь, грудь — не подошва ли, не воздух ли,
не линейка?

я туфли ждала, только ждать могла,
туфли готова в руках по России таскать,

Стоять! Новые ж,
Не надевать!

Вот — человек не Шекспир не Бетховен, а
рос сразу рабом ребенок, он же позже отец стал,
и зубы все время прятал Велиор,
решеткой руку ко рту, смеялся только так
бритый большой племянник он вещей только касался,
он стеснялся,

Велиор

СЦЕНА 2

Балкон хрущевки в Волгограде. Лёка с колготками на голове.

Лека:

я в Волгограде, в Волгограде как будто и секс,
только не знаю, можно ли без оклада его иметь,
Велиор Ты на балконе — вижу тебя брата в фате

(Пьяный Велиор сидит на балконе бельэтажа, на голове кусок тюля как у невесты. Лека внизу).

Лёка:

Can I go forward when my heart is here?

Turn back, dull earth and find thy center out [*Из балконной сцены «Ромео и Джульетты»*]

(Велиор поет пьяным голосом)

Лека:

O, speak again, bright angel! For thou art
As glorious to this night, being o'or head
As is a winged messenger of heaven.

Лека:

Shall I hear more, or shall I speak to this

Велиор (в фате):

Кто это еб твою мать

Лека:

Call me but love and I will be new baptized
Lock me but Вел И Ор ты левый,
Лёка — это, я была октябренок когда,
была у меня звезда,
мне ее подарил директор,
он ее целовал, а потом прикалывал самолично всем на грудь,
мы тоже ее целовали туда, где ленин,
и не мыли.

Зачем тебе фата?!

Велиор:

мы тут поставили на пузырь
кто будет лучший робин гуд стола,
фата заместо парика — швабра вместо копья,
фольга — как будто блеск креста,
а ты зачем пришла?

Лека (слова, которые Клава написала ей фломастером на лице "сука" на лбу и «Лека» на щеке все еще не стерлись. Лека должна быть с этой надписью в течение всего действия):

Я, — ибо великолепна,
и вот бусы вместо лифчикá

(поднимает свитер и показывает)

крест-накрест под свитром их обвяжу,
а звезду я теперь редко ношу

Велиор:

а колготки на голове почему?

Лека:

это как будто прическа, какую найду,
и всегда эти полоски как будто косы на голове заплету,
и буду вообще

Велиор:

как никак будущее хоть

«Туфли, Топливо, и Кино не потяну!» —
это я сказал сыну-Сене и повел
Велиор его к витрине и встали мы,
и следили, как они — вялые товары лежали.
«Туфли — все равно, что тефтели — смотри Сеня,
смена наша 15 минут перед шопа стеклом»,

(Падая на колени, изображая маленький рост сына и его речь)

папа? пена и блеск — это одно?
Папа, путь пить парни могут?

Пистолет в постели промтовар?
приговор — это стена, стекло? Или

Велиор (вставая):

перевернуть все, что создано, вверх ногами — вот пир,
а уж ноги будь здоров я тебе
найду везде,
прыгать пойдут, но не получится уже...

Велиор (вновь на коленях, изображая сына, как бы высматривая себя в витрине):

а я разве не прыгаю, папа, в стекле смотри

Велиор (вставая):

какие прыжки,
соколы — соколы и смешны в
Элевации.

(накручивая простыню на локоть и качая как ребенка)

Лека (внизу):

велиор, ой, простыня — не материя, простыня — ломака,
и я не сон, просто вдруг сестра

(Лека лезет на балкон, это почти первый этаж)

Велиор (обнимает сестру):

представь — это еще не конец, и то не конец,
я думал кончусь задолго до тебя и здесь
представленья меня, но нет — продолжение следует

Лека (показывая Велиору старую фотографию):

кран на улице — любит волосы солн це
цветы по-настоящему только в евпатории целы
кран на улице — целую кран я —
т.е. на фотографии — цветы целы и в кране,
смеюсь — Я — Клава смеется — рядом — только
сквозь стекло из окна — (мы) — на фотографии
цветы и целы — так захотел глаз — на фотографии
в кране цветов ноль на самом деле,
любит волосы солн це — объектив фиксирует,
смеха фокус был о тебе — товарищ верь

Велиор:

воспоминание значит твое пусть будет футбол,
солнце мы засунем под пол и туда же соул,
лицо, я думал — облицовка воздуха,
кончилось, а за ним продолжается прозрачка,
но укусила жучку собачка,
каждый человек в какой-то степени чка ЛОВ,
а теперь не так — открыл рот у лора
увидел он твое скользкое горло
и подумал у-род тысячу раз уже.
Вот человек, например, пошел,
части работают как часы — а он верит они цветы,
нос-цветок, жопа-цветок, типа одни сады.

Лека:

лишь бы не так все,
я буду вписывать в море плав,
это будет буква, плавниками машут рыбы и я,
море — мой пьедестал — плав тебя режет мой
и лав дает воде,
Понт не плюй — держи рез — мой

Велиор:

уроды — все кто родился — в ряд,
первый, второй — рассчитайся
смирно — равняйся
кадык — вперед — фронтальной
кадык держать — это конус душа,
кадык — любая туша и даже ее глаза.
корысть я вижу как выступ.

где можно если везде — не здесь?

Лека:

ненависть неизбежна, товарищи, ко мне,
бритая я и куртку у клави
на вокзале отобрала, на нее легла,
а про клави забыла.

продуктов не покупала я в семью никогда,
деньги копила и на них белье
покупала и презервативов, и прятала
в сапоге.

еще,
фэшен я люблю, свое тело обзираю,
и как будто в телевизоре веду по экрану — красоту:
колесо-лепесток, над ним ляжка базальт,
а самая умная из всех — губа-блестелка,
растопыривать все с умом и все время,
линда умнее эванджелиста цветка —
-а цвет — фэшена истинá,
мы можем этот фэшен get
как и красоту через net.
Она — с тобой, даже в позе minet.
Это красота, федея, скажи?

(Неожиданно включается экран телевизора. Это увеличенный объект, изображающий старый телевизор, но с большим экраном. На экране модели шествуют по Равенне в летней коллекции Gucci)

Female model:

сосок — плосок у меня, ибо я не европеоид

да спасутся деньги и вот такие тюлени как мы
сексуальны после салюта.

Male model:

я нежен к дарфан биотерм и шисейдо
и к рекламным цветам их трепетен

Female model:

любая капля из моих отверстий — галантерейна,
все диор, dear, даже когда дает

Male model:

Вот, наконец, смонтированный
наш взлет.

(Экран затухает)

Велиор:

я Лёка — русский, значит проник.
В лифчике от Готье
сиська дает на всё,
хоть и блядь, но бледна, смотри,
вот женщина, вот вещь, вагина,
вот Vuiton — все немедленно,
их shopping и даже вода только для фитнеса текла,
золото — это что-то от La Perlá

умирает валентина она какая-то,
а все слишком в такси,
смотри на счетчик, прайс не пропусти.

Лека:

Велиор, а секс — это что?

Велиор:

это легко
вытаскиваешь — легло,
в интернете — фэги
например фотографируют свой хуй,
как там, большой ли изначально или высовывается как телескоп,
в результате — адрес там, вместимость дыры,
так по e-mail-у 3-4 секса иметь могут вполне за неделю,
я тоже сую — только стекло водки в рот не редко
и слизь выжигается представляешь, на смерть я успеваю
это ли не солнце вообще

Открыта

Лека:
Что?

Велиор:
Открыта

Лека:
Что?

Велиор:
открыта
стена в которую упирается пол,
я думал — это бездна,
если она без дна, Лёка, без направления значит,
что Лёка ебать: движение, белизну?

(Изображает эти движения, как будто пытается изнасиловать воздух, впадает в истерику, носится по комнате и падает)

Лека:
русский ты — невозможность — брат,
гуталин к груди прижимавший,
и я держава подержанная.
Водка — ты телка,
тебя такой плюс,
Велиор валяет себя — клянусь.

Велиор *(очень медленно)*:
tomorrow, and tomorrow and tomorrow
голодная кума лиса полезла в сад
нас время записало на магнитофон и мой последний слог
И тот,
а все «вчера» к одру несут козлы,
и думают, что это свечи,
дыши — электорат, туши нам свет — пожарник!

[из «Макбета»]

я — Велиор бегущий продавец играл случайно,
и чеки проглотил

(пытается ударить себя по голове бутылкой, Лека успевает ухватиться за нее, оба пытаются вырвать ее друг у друга, борются, Лека кричит и хохочет одновременно)

Лека:
дорогие радиослушатели, говорит волгоград
сегодня в студии велиор — мой камрад
сегодня в студии — велиора фата
сегодня в студии — всё,
дорогие радиослушатели, объявляю парад,
свет не тушить, никому не садиться,
руками махать,
девушка! каблуком в атмосферу — идти!
Велиор! вместе с ними, с нами,
колеблемыми по Волгограду, шагом марш.

ЭЛЬПИДА И "ТРЕКИ"

Опера о военном изнасиловании

А возьми художников — они обращаются с жизнью, как Давид: когда в сентябре из тюрем вышвыривали на улицу тела убитых, он хладнокровно делал с них эскизы и говорил: «Я хочу подстеречь последние конвульсии жизни в телах этих злодеев».
Г. Бюхнер. «Смерть Дантона»

Место действия:

северокавказский постсоветский регион, где идут военные действия.

Действующие:

Эльпида — модель, девушка местного бизнесмена, прячется от взрывающихся снарядов в бассейне собственного дома, наполненного наполовину водой

Порфирий — фотокорреспондент российских СМИ

Платон — сапёр, офицер

Эльпида:

Мармелад — мармелад,

Спрашивают все: ты раздета со сколько
И до сколько,

Младенцы кажется бывают голы

и животные тоже,

чтобы порез мне сопутствовал и лаку кожи моей,

это — невероятно,

хотя недавно в этой голубизне закалывали как будто,

почему бы воде не быть покрашенной,

смотрим — опал остаток салюта,

кажется был праздник, это, когда,

кровь на машине главное полита криво

и на асфальте режут ее мармелад.

Меня трогали и не только,

а главное это золото в них ушах — пусть

протыкает плоть всегда, хотя

на моем лак и почему бы

не петь ворвавшись,

Орфея слушателем была и являюсь одним из

я жителей мира животное Эльпида.

(Платон-сапер и Порфирий-корреспондент врываются в заброшенный, частично разрушенный дом, спускаются вниз и видят Эльпиду в бассейне)

Порфирий:

не все убиты, смотри,

жрала наверное много — газы в воде

(Платон прыгает в бассейн и пытается насиловать Эльпиду, она не сопротивляется; Порфирий снимает всё на камеру)

Эльпида:

позы в воде — голые вертолеты.

ногами позировать? ладно

Все розовое лови ты объективом, товарищ.

Эстетика и Эстетика и Эстетика,
Эгзегетика, сок все сосут как-то косо
(кесарь помощь твоя не нужна),
Боль это? Балтика? Пока не знаю,
Лё — любая я твоя, ты Russische,
Кусай меня как суши...

.....
(пауза)

.....:
Когда у меня
запуск меня,
программы в эфир?
куда-нибудь вода меня запустит,
вчера на MTV по фону я плыла,
на половину ягодицы обнажив и лишь,
О zoom — найди их
и экран наполни,
плоть пусть получит полли-
этилен

.....:
нас трое почему нас трое почему,
все — где? все — где?
олимп — лампа? олимп — лампа?
алле, что? никого и не было?
теле-программа? теле-викторина?
нина оказывается палочки не сложила
в крест — она их уронила?
эта актриса больше не снимается?
Ее и не было никогда не жила?

.....
А и Б — мама и папа сидели на трубе
и пытались
и В и Г — Костя и Кирилл валялись на крыше
выразительно в отглаженном.
и Д и Е — сестры и братья ползли и птицами не были,
т.е. платили,
дальше кафель позже поза
и плевать

Эльпида:
ева ебалась едва
ей не нужна была елда
и манда ей впрочем мешала
она её роняла
а вместо прописью
по промежности
пропагандой почти
ликование прет

(пауза)

о заплатите мне за зад
и затевайте хоровод
и если ягодиц здесь две,
то посчитаем птиц в воде,
прокомпостируй свой билет в зазоре
и поручи меня козе,
а папа, что с козой ходил в балет,
клонился он к закату.

сократ, оставь мне пончик,
папа так ему сказал,
пока он выпивал цикуту,
кесарь плакал, папа доедал

Порфирий:

ты раскрывай пошире все там,
а то нас переплюнут на восьмом канале
вечером предвыборные депутаты кладут
и держат.

Эльпида:

когда мне заплатят за минет
мине на сушу побежать прошу

Порф:

Модель рекламы Хенесси ты не заметила
Как в алкоголе пребываешь

Эльпида:

и почему не жжет коньяк мне
слизистую вот тогда

Порфирий:

так путин приказал, а ты забыла
и пробыла так долго олимпийкой
во флаконе

рай плюс формат
вот что рекламный такое плакат
без крови распят новый

Эльпида:

Э — Э — Э — Э Э — Э — Э — Э
Э-ффект, Э-тап, Э-кран, Э-ллада
Элена и Ы-вропа

СЦЕНА 2

Эльпида:

Мне не мешает ничего, и даже
каллипсол быть Фивами,

Порфирий и платон — вы мне таблетки
не умру же я в бассейне.
Ты передай минуту мне на рай

не плюй мне в рот, промежности
не полощи,
Эльпида, ноги вместе, руки врозь
Не ожидая помощи
я попозирую вам половым
и обещаю, получатся на пленке
полевые цветы.

плоть без греков — агроном немодный,
профессор крика, получив все типы ран,
я мазать языком, Порфирий, свои порезы буду,
лакировать — легко

Порфирий:
мука плюс улыбка равняется скульптура,
то ли рыба то ли икона, прелестно ранена эта натура.

у нее Платон побитая рука
у нас нее побитый das ist опус.
Побелку ушиба сделаем под музыку
Эльпиде сегодня.
Я превращать хотел бы,
но не знаю что во что,
Нос в SOS. Кос Чес — в Роз Ввоз.

*(Сапер Платон выходит из воды, сушит одежду, курит, собирает вещи и уходит,
Порфирий продолжает фотографировать)*

Эльпида:
вы не доделали укол
фашисту все близки уколы,
все мои раны — королевы,
в воде кровь — видеопроцесс,
всем нужен страждущего реализм,
пусть в кадре раненные смотрят только вниз.
Пошлите эти кадры в Vogue
Пожалуйста, пошлите эти кадры в Vogue.

Эльпида:
кровь — разумеется

меня купали коралл,
мозаике капут, что делать дальше
в воде со мной,
они переключают — на там где э-рос
и терка теплых тунгусов
возьмет рейтинг вскорее

включите что бы то ни было здесь
трансляционное,
а так, цвета (вы не знали?) — нет,
вне экрана все животные серы.

нас покажут и должны.

только теперь и ты Порфирий
пльви ко мне и Со-
прикасайся, с ранеными воде
интерес возрастает очень аудитории.
Ужас? мы уже после него,
то есть, то, чем меня Ё, распущено

Порфирий:

пузыри проходящи, но всегда новы,
да здравствует просто смесь первого и остального!

я приказываю, сказал президент всем
женщинам в чечне педикюр делать НЕ дома, а не просто делать,
deer chery (цвет модный) perfectly подойдет,
золотые зубы вырывайте, ветер
между зубов будет напоминать о вертолетах

уроды тоже родились
и душить если их впоследствии,
то на камеру исключительно
перед не мной,
замазывать для репортажа акрилом
брэнда Lancome

Эльпида:

плохово что в высоте
если она в валюте, а НЕ Воркуте.

представь, что лишний ты,
все спасены, а тебе оставаться

Порфирий:

Актэон перед тем как покрасил губы
ждал скульптора Поликлета и живот пудрил
тщательно до сеанса,
а Поликлет ему: ты тот которого грызли животные?
Актэон Поликлету:
я — голый, обращаюсь от имени государства,

если меня раздели, я пойду первый,
т.е. собака на мыло,
просто эксцесс-гауптвахта — как музыка после позора,
от человечины до ритурнели никакого зазора,
клетка прелестна, — моя последняя перегородка,
прятаться

только лицом в прицел,
в Палермо павших набок от пуль поздравляю,
если ногу свело в пуантах

Эльпида:

я — э — э — лементарна
мрамор — c'est мрамор, собаки знают
если грызут,
а нам все равно блестит что,
роса ли приклад под забором

я мыслила уничтожение
и желёзки — все-таки не эмали

Lacrīma здесь причем, just
Училась падать в натуру, для отличников в аудитории, что ж...
жеж хотели коммуниста в изорванном, его же Аполло,
жеж гибель сказали только пленяет,
в окоп поверила, полюбила все, что навывкате
и метить в себя разрешаю
только при British Broadcasting Corporation.

Перфектно и Перфектно и Перфектно
Перманентна и Перманентна в Перми пачка.
балет любим периферией перпен дикулярно

гаред рэпперша рэйперу: «и за что»,
мол почему я не всё не всё
а — поросенок

СЦЕНА 3

Порфирий (отложил фотоаппарат, вытаскивает Эльпиду из бассейна и сажает на стул, она жива, но у нее совершенно оцепеневший вид):

нарезано на грудке у нее
но никому не видно букв, Церера
режет и прикрывает, а мне всего лишь задали
глотать, но разрешается еще качать на ручках воздух
предельно осторожно.
Между ранеными пост мой обязателен.
На Адониса плакат в автобусе
я наложил лицо и тер его abdomens
и вредил бумаге языком,

автобус фронт любил в него переезжая,
скульптура! — тебя слюнявят дети как обои — это решено,
смолой — лобок, соломой — черепок накрыть, и будет
тетя Мэрилин Монро звонить
невеста мне.

чтобы не говорили, что спасут, но только в кредит,
чтоб не сказать, что сначала деньги,
а потом — остальное,
А я говорил, говорю и буду!

актеры не засыпают никогда
и по новой в том же формате, а я
настаиваю на остановке,
власть влезь и помой
ме ня

(Радостная ария выжившей Эльпиды, которая переходит в дуэт с Порфирием)

МЕДИК-МАДОНА

Действующие:

Медсестра Мадона — родом из Владикавказа

Слема — ее дочь, семь лет.

Саня — ее муж, шофер

Медик Мадона:

Ребенок! почеркаем кровать,
Твой пап креветки кушает шофер,
и щеки хочет часто на жопы женщин класть.

Слема:

Мам, я что нарисую на простыне ты знаешь,
огурец осел понюхал.

Мадона:

А я постираю́ потом это белье
и нарисую заново на нем хоккей.

(Саня возвращается домой)

Саня:

Великолепно я провел сегодня вечер,
был я у Ларисы сексуальной.

Мадона:

Ребенок! Пап хочет твалет, освободи его.
Сосиски Слема ножницами не реза́й,
Но кутай в вату их и роняй.

Слема:

Мам я уже грузовик нарисовала на матрац.

Мадона:

Сарделистость наш пап, он уважает в женщине.
Затянутые стрейчем задницы увидь ты дочка как говядину.

Слема:

Мне сексы рано понимать
мне только вовремя плака́ть и
удаляться детке.

Мадона:

Трусик я новый
сегодня Саня одела́
и буду рядом шаркать.
А так ведь я вообще трусики старые ношу,
дикарь мадона — медсестра.
Мне пациенты каждый день показывают свой жопа́
и говорят: сыграемте в дом-дом.
только́ я не умею быть женщи́на,
как будто дочка маша первенец всегда.
Где пустота нам по ТВ покажут.

бытие — бывшая блядь,
а ничто — стильнее во сто.

Слема (режет себе палец, чтобы отсрочить уход отца):

Пап, я руку порезала
и писать примеры больше не могу,
Теперь я клавиши компьютера вам
буду мазать пальцем резаным.

Мадона:

Медик мама твой — плакать зачем,
я — то, что здесь и здесь потрогать можешь,
помазав что угодно,
Сейчас смешной побуду я, покрась мне, хочешь
Фломастером четыре зуба в черный — рот врозь тяни
и назови Кирюхой.

(Слема красит матери передние зубы черным фломастером, рисует над губой усы)

Мадона (изображая какого-нибудь бармалея):

Пу
Што
та
не пу
ста
кле
е
тсья
мир
кле
е
нка

Я всегда мякоть выдергивала из корка
и протяну за забор беззубой Шурка
Пустой я не видела даже дырка
в ней смотрю бежит пионерка
Не успевала я отправляться как открытка
а была все время здесь в этой клетка

Я шла но шла Ноо
давить ступней научимся чей-нибудь рот.
я шла но шла Ноо
мужик то есть ангел узнаваем, ибо
всегда урод, спросил: что ты думаешь ооб
унитазе, моче. По дороге удивиться
я не успела.

А если прикажут иди в сортир
и туда послали тебя проживать
материнские и другие стили?

Я я как пцита, птица,
как будто летаю над Ницца
и смотрю на птиц вереницу
То есть кафеля белые лица.

Слема:

Мама, пап опять уходит в плаще уже
куда-то в парк, ты не кусай его,
а напиши на сзади плащ,
«Мой муж жуй хуй» — мел тебе вот.

Саня:

Я не осел, о дочь моя и даже не навоз.
Кладите пальчики на стол
я буду плоскогубцами их вам
щемить за оскорбление.

Мадона:

Мы можем даже ногу целую полóжить
и по две полóжить, щемить удобней ноги,
но я не мыла две недели один нога, где резала случайно
и воняет она.
Но ой, конечно есть у меня и чистая нога,
вот и она.

(Саня зажимает пальцы ног плоскогубцами обеим)

Слема:

Мама, когда мне плакáть,
боль начáлась?

Мадона:

Боль есть сейчас уже и начали плакать и
бЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

(рев Слемы переходит в детскую песню)

Мадона:

Петь нельзя если живая остаться хочешь,
ты оперу смотрела? Там ходят на вокал,
потом перед народом помрут и пукают,
но очень тихо после ария.

Слема:

Мам, смотри папá от нас отходит, он щемить
закончил,
играть идет он жалость в парк.

(Саня уходит покурить в сквер)

Мадона:

Сокровенное жирно маляр гудроном
по стене в детском саду.

Столяр заслуживает Spa-A?

Он часто забывает слова-A,
Юбку поднимай Слема и подтыкай в трусы,
Мы будем сейчас кривоногие лягуши.

Слема:

Мам, когда наш папа в саду он посидит,
вернется, и я придумала как быть и быть,
чтобы меня он за руку повел к торшэру.
Я буду модная как будто бы любимая его
и плюс как будто заболела как в кино.
Давай мне бинт ты медик мать, я буду
ляжки бинтовать и бинтовать и спиртом
поливать и рисовать на бинте моду.

Мадона:

А я возьму крем обувной,
поделаю себе бровей

Слема:

А я на бинте еще, вдобавок
лампасы как на адидасе нарисую,
Мамá, мамá, что еще модно?
Аа, сапоги поверх лампас,

А еще деревянные пасхальные яйца где? —
Сиси мне из них сделала мама — Еее!

(появляется вернувшийся из парка Саня)

Саня:

Я в сквере полежал на лавке
И сделал упражненья ножницы
для пресса у фонтана.

Мадона:

Саня, смотри, я помазала всё на всё,
на волосы вазелин, на живот масло,
чтобы добиться глянца и трансá

Слема:

Пап, я слышала инцеста не бывает потому что
вроде дочку папа трогает, но но не понимает
почему и что он делает ромео джулиэте. Это правда?

Саня:

А у тебя торчащие колготки,
А у тебя раздуты дочь они,
Ты что в них положила, вещи мои?
Так получай ты мною порожденный человек
за воровство побои.

(Саня дает ей затрещину, Слема действительно всунула белье отца в свои колготки, думая, что этим его удержит)

Слема:

О пап ты не уничтожай меня и и меня,
Я не ворую ничего кроме любви.
Твои платки и шорты и носки,
Я их себе в колготки положила,

И вот такие пончики теперь мои ножки́

(снимает колготки, из которых выпадает белье отца)

Слема:

Ж это ж папа яааааа
Вот моя панама детскаяаааа
На ней пятнов банана до фигаааааа

(Мадона смотрит как Саня бьет ребенка)

Саня:

Теперь я перестану Мадона ребенка бить,
Теперь я буду Мадона ребенка все таки любить.

(пауза)

Мадона:

Оторви мне пурпурный плод с уха уснувшей.....
Это откудава
Оторви мне пурпурный плод с уха уснувшей
Саня, это откудава,
Оторви мне пурпурный плод с уха уснувшей
и тьму ее глаз и утро век подари мне поочереди
это откудава.

Аа, это я кагда дево́чка бы́ла,
ты ме́не написа́л.
я молодая была
студентка медицинского училища.
Отчаяние у меня конечно есть,
Сейчас я покажу и покажу его.

Саня:

Мадона я ж принес тебе кассету,
где мы с Ларисой секс имеем.

Слема:

Папа я секс с твоей любимой тетей
тоже буду посмотреть

(Включается экран, на экране Саня и Лариса)

Мадона:

Какой живот примерный у Ларисы,
Сияет сильно от упругости,
долларов 500 в неделю вкладывать в такой придется, Слема,
Ты ежедневно пресс тренировать должна,
и я скажу папé,
Назначь нам день для дочери, для съемки,
Ты скоро сфотографируешь лоск ее ляжек и попки.
(Саня собирает большой чемодан и уходит из дома)

Мадона:

Я грудь в руке как грабли держала,
сосок-свой — дерево в рот тебе вставляла,

Слема — то есть сталин, энгельс, ленин, маркс,
я так тебя рожала,
как будто всегда опять.

а ты посмеешь, скажи мне, занять
прогалины по телу эrogenные?
А ты посмеешь, скажи мне занять эти прогалины.
Ты покажи мне, если есть по телу эrogenные
прогалины как у Ларисы например.

(Кладет ребенка на кровать и обследует)

Слема:

Ты мене мама задушить все-таки не хотиии.
Человеку надоедает почему-то все почтии,
и он становится на каблучки деревяшечкии,
и музыку он делает и мажет по ничто лазурью и кричиит,
а ничего не работает — все дальше чем нутро.

Секс мне не дорог, мама,
клянусь тебе я первоклассник,
и хуй мне кажется забытой тряпкой у доски.

(Поднимает с кровати ребенка и сажает его на колени)

Мадона:

Я как убью тебя, нам надо пока подождать,
дверь оставим открытой,
может кто зайдет случайно, на мебели нас написать.

Им неудобно мутерам
и даже божиим
детей держать,
качают их поэтому они
и говорят:
ты хоть и бог сыночек, но покатаемся же,
карусели хорошиии.

(Слема засыпает и Мадона берет в руки ее шею, как бы раздумывая задушить ребенка или нет. В этот момент в квартиру врывается Саня, берет в руки Слему, которая спит на коленях у Мадоны)

Саня:

Мадона, представляешь, из подъезда выхожу
и понимаю что сейчас рожу,
я тоже может мутер, говорю,
и вот пришел, ты Слемку дай мне,
покачаю я ее и подержу

БЕЖЕНЦЫ ИДУТ В "БОЛЬШОЙ"

Места действия: кинотеатр Иллюзион. Дорога к Большому театру и площадка перед Большим. В «Иллюзионе» идет фильм-опера Ф. Дзефирелли «Отелло».

Действующие:

Батал — беженец-меломан, 67 лет, бывший преподаватель партистории

Польша — беженец-меломан, 65 лет, бывший электрик.

Гая — студентка московского музучилища из села Шумячи, 20 лет, пришла в кино с клавиром оперы Верди «Отелло».

Батал:

я большевик — Батал

Карбит рассыпал во дворе и он дымился,

Польша:

Нам дайте вы билеты не по 100, а пятьдесят.

Мы? не пенсионеры, нет, мы беженцы,
но возраст соответствует.

Батал:

Бери по сто — Отелло того стоит.

Польша (билетерше):

Мы с оперой росли

и наблюдали множество смертей,
как Дездемона задыхалась, как Тóску колотили
и Чю-чю-сан отбросила коньки.

Мне нравится, что подышают с песней
солидные богатые блины
и блюда не блюют на сцене,
солдаты не стреляют — а только падают
поочередии

Билетерша:

Вы лучше убирайтесь поскорее,
сумасшедший покупатель.

От вас разит мочой.

Помылись бы получше.

Батал:

дорогая, мы очень хотим мыться,

но в нашем ресторане,
где мы сторóжим — там только туалет,
а душ закрыли на ремонт.

А так вообще я человек интеллигентный
и даже кандидат педагогических наук
по специальности история.

У озера я в юности
явлений смысл в блокноте записал.

Солнце — на нашем языке — то же, что и молоко,
мы говорим так: бжья, бжья.

Ветер — главное чтоб пах,

вода — должна вас видеть,

а небо — падать в море.

Билетерша:

могу вам дать я половину аква-минерале,
подмойтесь в заднем дворе перед сеансом
оперы великой.

Польша:

Действительно, мы не учли, Батал,
что можно подмываться над унитазами.
О быстро, быстро, скоро первый акт.

*(Увертюра, они рассаживаются в кинозале. Рядом с Баталом оказывается Галя с
клавиром оперы «Отелло». По мере того как идет фильм, Батал подпрыгивает в
кресле подражая движениям дирижера).*

Галя:

Молодой я человек Галина
хочу спросить, не дирижер ли вы?

Польша:

Девушка, он заслуженный педагог СССР,
историк КПСС,
заслуженный пенсионер АССР

Галина:

Вам нужно тогда на стройку,
там есть еще рабочие места,
Представьте как студент,
пересекая зоны застройки, как альбатрос,
спросит у Батала-бригадира:
есть ли здесь выход?
Есть — ответит Батал и улыбнется,
Есть — ответит Польша, и скажет
мы тебя, студент, проведем сквозь.

Батал:

Тише, Дездэмона поет.
Мутти всегда дает
в таких местах tutti.

Галина:

а я потеряла вчера котлету вы знаете,
купила в буфете для мамы и потеряла.
А веру я потеряла уже потом в подъезде.
Но у мамы оказался дома паштет,

Не хочу, чтобы книга слова выражала
а хочу, чтобы плевала их из себя,
выплевывала наружу.

Батал:

А наплюйте мне в рожу
может это благословением будет вдруг.

Галина:

Давайте дальше оперу смотреть,

ведь вас заботит смерть,
ведь вас заботит спорт садизма.
Ведь вас заботит как певец Отелло
сардель-певицу давит вон из целлофана ее одёж.

Батал:

Нас это очень радует, и мы стремимся видеть
желания влюбленных живодедов.
Для этого мы собираем деньги на Большой,
Там заживо берут за шею,
и вот когда работает душа.

О почему так в пенсионном фонде не поют,
О почему так не кричат в сбербанке,
Когда мне 800 рублей на льготы выдают
и прячутся за рамки.

(начинает громко подпевать певице)

Биллетерша:

Вонючий зритель, прошу вас выйти вон
из кинозала Иллюзион.

Батал:

Но Я всего лишь
к возвышенному призывал пенсионеров,
Аудиторию я призываю с песней к пенсии идти
и брать ее с бельканто.

Галина:

в общаге там со мной по благу мама проживает,
болеет, но живет, представьте и совсем,
она не понимает пантеистов,
и помощь ест гуманитарную,
когда я Верди исполняю натошак.

Вы знаете, я не интересуюсь жизнью,
но наоборот,
живу тогда — когда интересуюсь.

Польша:

А чем же вы интересуетесь?

Галина:

Я интересуюсь
таким вы понимаете вопросом.
А что есть из того, что есть.
А что остается от того, что пропадает.
А что Дездёмона поет, когда она поет.
А что мама, когда она жует, что она жует.
А почему она когда жует, не выступа ет.

Батал:

Дорогая биллетерша, выпустите меня из зала!
Выпустите меня из зала.

Я должен спеть на улице про Дездемону stanca et bella,
конечную арию из Отелла.

Улица я дирижировать иду тобой
Ты Якиманка, Яуза, Солянка.
мы будем обнимать наши асфальты,
наших Дездемон упавших в постель Москвы.

Польша:

Вы мне откройте тоже,
Я должен выйти вон, я баритон.
Я на подпевках у героя.
Я горлом живу когда поюю
и язву на голени трофическуюю
сиянием считаюю.

(оба выбегают из зала)

Галина:

Меня пустите тоже
это дирижеры и мне как вокалистке
с ними важно быть.

Биллетерша:

Идите ради Бога,
Будет меньше вони в зале.
Хотя за пятьдесят рублей
в кино одни вонючие приходят.

Галина:

Устройте душевую тогда
перед сеансом потребуйте,
чтоб мылись как в бассейне.
Ведь чистота и гигиена стране необходимы.

Товарищ дирижер, не уходите
я партию Дездемоны могу подпеть

Батал:

Я вам сказал, что я не дирижер,
а беженец Батал, учитель парт-истории.
Мне иногда, вы знаете, не достает того,
что изображено в кино.
И после фильма, до того, как доберусь домой,
я к снегу обращаюсь,
и ртом его ловлю, когда в него валюсь Отелло,
и душу я белизну.

*Польша (вслед прохожей, которая высказалась по поводу внешнего вида
Польши и Батала, хотя они не клошары):*

Извините, барышня, я в тапочках, действительно,
но раньше это были туфли. Я просто срезал задники,
ведь на дворе сентябрь.
И брюки к лету я режу тоже,
а к осени обратно пришиваю сукна куски.

Галина:

сколько же Батал и Польша
вам удалось собрать рублей,
чтобы пойти в «большой».

Польша:

Я сын электрика
и очень уважаемого, Галя, человека.
И более того, я сам электрик бывший,
и никогда не повреждал обои.
Обои оставались нетронутыми,
хотя розетки и проводки попадались
очень сложные.

Галина:

Так сколь же денег у нас?
вдруг нам не хватит на поход втроем?

Польша:

Однажды, Галя, проводка мне попалась
совсем перегоревшая.
Пришлось долбить
и очень твердой, бетонной
была стена,
и дрелей не было тогда.
и тогда долбя,
я понял, что бессмертный.

Батал:

так и я бессмертный,
причем тут твой бетон, не понимаю.

Галина:

А я бессмертная тогда, когда бегу
и убегаю от преследователей как будто,
но никого там нет за мной,
так что спасенная заранее я получаюсь навсегда.

Батал:

И часто вы так делаете, Галя?

Галина:

ну где-то лет с пяти.
В кошельке есть у меня примерно рублей двести.
Возьмите и пересчитаем.

Польша:

Всё вместе 900 рублей.

Галина:

Быстрой, в Большом ведь кассы до семи.

Батал:

Я предлагаю пойти пешком
через Солянку по Красной площади,

так мы сэкономим 45 рублей.

Батал (приближаясь к Большому театру):
Смотрите!
как много прекраснейших людей
стоит сегодня у Большого.

Давайте познакомимся Галина, с ними.

Галина:
их слишком много.

Батал:
ну и что,
они я вижу замечательные люди,
будут слушать Верди с нами.

Галина:
Билеты в кассе кончились,
Быстрее к перекупщику.

У вас билеты где-то так по триста есть?
Это смешно? По полтора? Окей.
У них тут ничего по триста нет.

Польша:
Давайте отдадим все деньги биллетерше
и будем умолять хотя б куда-нибудь пройти.

Галина:
Наверно не получится. Придется нам домой идти,
и может в следующий раз попробовать еще.

Польша:
Нет подождите Галя. Я верю мы пройдем.

(Толпа людей постепенно входит в фойе. В это время Батал поднимается по лестнице на площадку перед Большим театром и обращается к публике)

Батал:
Я вас люблю
Любовь в моей душе
угаснуть может тем не менее.
Но пусть вас это не тревожит,
я угасанье останавливать умею.

Я вас держу в своих глазах и там
бежим мы вместе молча, молча.
Вы — там, где вижу Вас, ну в общем,
меня хватает там.

Везде, где рядом стройка и вырыта земля
я иногда гуляю.

и вижу высоту — она всегда повыше зданий,
которых, тем более что нет еще.
Я приседаю, скатываюсь в котлован, я человек,
и землю и песок люблю. И чаю и сжимаю и так сжигу.
А вы могли наверно в это время проезжать в машине,
а вы могли сидеть в кафе.
Я вас желал внутри своей груди,
внутри окружности своей руки.
Что вы, в этом яме я не срал,
я просто там остановился, чтоб остановиться.
Товарищи, побудьте с нами
хотя бы несколько из вас.

Они не понимают Ленина, Галина,
Они не понимают Ленина, Галина,
Они не понимают Ленина, Галина,
Зачем же им преподавал я Ленина, Галина.
Зачем же им преподавал я Ленина, Галина.
Зачем же им преподавал я Ленина, Галина.

Музыка — не в здании, Галина,
Мы сами здесь смогли бы музыку Галина,
достаточно лишь друг на друга посмотреть, Галина.
Снаружи Ленин был всегда, Галина,
на улице работал он Галина.
Прошу, перенесем любовь из всех носителей
сюда и в нас.

Мне Ленин говорил когда являлся:
" мы обязательно преодолеем боль когда распределим как труд.
Но если кто не хочет свои два килограмма понести,
того мы все-таки простим, но навсегда забудем.
И по секрету я скажу тебе, Батал,
никто не хочет эти килограммы."
Тогда я говорю:
«Я понесу товарищ Ленин,
мы понесем все вместе килограммы товарищеской боли,
мы клянемся.»

(Появляется милиция, всех троих ведут в участок за нарушения порядка)

Галина:
У нас кончилось кино
кончилась опера, кончилось виноо,
кончилась надежда посмотреть на самоо,
Но остались деньги.
Возьмите наш общак —
900 рублей сегодня —
и отпустите.

Батал:
У нас кончилось оно,
то о чем ты играла на ф-но,
воля-то есть, и навалом,
но нет того, что бы велоо.

Батал:

я давно хотел посмотреть на эту милицию
я даже хотел бы с вами немного побыть.
Разместите нас пожалуйста в один карцер,
тогда мы сможем петь, искать музыку сфер.
мы сможем сыграть все роли и даже трансфер.

Польша:

Вы знаете товарищ милиционер
Я между прочим мог бы у вас работать внештатным электриком,
Внештатным слесарем — пожалуйста тоже.
Мое призвание — трубы и электроды
и все, что на них похоже.

Галина:

Я думаю нас арестуют только на несколько дней.
Но мы за это время успеем
исполнить все партии...
в точности
до мельчайших частей.

2007

"АФГАН" - КУЗЬМИНКИ

Сцена попытки приступить к сексу

Действующие:

Гамлет — поставщик оптом и в розницу меховых товаров для вещевого рынка «Афган» в Кузьминках

Галина — продавщица, стоит за прилавком галантереи

Галя:

Ты чего в зубах-то гвозди держишь
Не проглоти...

Гамлет:

надо забить
Планка с лотка отошла.
Как давно здесь стоишь?

Галя:

С прошлого месяца встала,
с косметики начинала.
Теперь Артур привозит галантерею, белье

Гамлет:

Хочешь перейти на кожу и мех?

Галя:

За натуру, или так, ни за что?

Гамлет:

Ну за пару раз в примерочной, в общем сама смотри

Галя:

Ты знаешь, я только что с парнем месяц была,
А так вообще понравиться умею не всегда

Гамлет:

Не важно, главное глубоко дышать

Галя:

Ну ладно,
А так здесь одна такая видная есть Лариса за 27-ым из Нальчика,
С обувью сидит и после работы вроде за тридцать ее берут.

Гамлет:

Да с ней я побыл уже позавчера,
И вообще сегодня с Артуром она

Ну так че делать дальше.

Галя:

Сама не знаю.
Я после работы как приду
Смотрю на дверь пока не проголодаюсь,

потом ем и параллельно пою.
Слуха нет, соседи думают я кричу,
Шваброй как постучат, я замолчу.
Потом в ванную иду, ток-шоу сама с собой обсуждаю,
Или опять пою.
А что взять в этой ванне, что можно успеть там взять?
Выйти из нее так, чтобы иметь хотя бы что-то,
Чтобы хватило пока заснешь и думать: вот есть у меня
мир,
вернее какой-то шелест.

Гамлет:

Ладно, давай в примерку,
Говори за сколько, я не жадный.

Галя:

Так ты же мех обещал,
Там проценты такие, в общем если от Артура
На товар дорогой уйду,
только за 20 процентов.

Гамлет:

Да пошла ты?
Я наебать ты что ли хочу?
Спроси у кого хочешь Гамлет кого здесь на «Афгане»
Наебывал еб твою мать.

Галя:

Все думают продавцы понимают только
Вещное как бы,
Только отрыв за водкой от трубы,
А я водку не пью,
Ожидание не запьешь.

Гамлет:

Так чего делать будем.

Галя:

Ну щас я накладные пересчитаю и в примерочную пойдем.

Гамлет:

Давай вообще быстрее.

Галя:

Лифчики зеленые — китайские 3 пары,
Прибалтийское боди — 5. Трусы — белоруссия — 30.
Носки смоленская область — продала все 20 пар.
Гарнитур Италия — всего четыре.
Ну все пошли.

Гамлет:

Щас подожди докурю.

Галина:

С какого числа на мех посадишь

Гамлет:

Через недельку наверно.

Галина:

Такой фильм сейчас по первому идет

Про жизнь, про бытие человека на земле,
как бы живет он, то ли есть у него все, то ли нет ничего,
Не может понять.

То ему говорят: «ты запаadlo», а то баба всего облизает и рядом ляжет,

А ему — то надо до охуения это все,

То вдруг лень станет и он прячется под пальто.

Смотрел? Сегодня третья серия будет.

Щас подожди, сбегая в сортир.

Гамлет (про себя):

Козлиха какая-то,

Надо было подъезжать к той, что с завивкой,

ну ладно, бабье здесь все равно одно потное говно.

Галина:

Ну все щас запакуюсь,

А ты мне пока за фантой сбегай.

(Гамлет идет к ларьку)

Галина (про себя):

Черный опять, ну кто еще клюнет здесь,

Какнибудь потерплю. За мехом если в день

Хотя бы одну модель купят прибыль под 200 баксов сразу.

Это минимум до полутора если дойдет,

Квартиру сниму у метро, в пассаж с Тонькойходим,

В салон пойду, сапоги куплю как у Собчак,

На курсы вождения можно пойти,

Белье только импортное носить.

Гамлет (приносит фанту):

На пей.

Галина (пьет):

Ой, жажда такая была.

(Звонок)

Гамлет (берет трубку):

Алле, да, восемь точек, обналичу завтра.

Две шубы гнилые, Зое отдай на реализацию,

Ну и что, краденое тоже одежда;

Сичас не могу, Алику скажешь, чтоб

Заказ не проебал, там прозондировать надо,

Нет, нутрию не бери, давай.

Галина:

Пошли?

Гамлет:

Давай.

Галина:

В какую примерочную — здесь на первом?
Или на второй. На втором вообще никого.

Гамлет:

Ладно, пошли

(идут)

Галина:

ты, извини за вопрос,
Презервативов не забыл?

Гамлет:

Я без резины вообще ни к кому не подхожу,
Даже не из-за заразы,
Просто культура понимаешь, щас с этим
плохо, сама понимаешь, мудаки пошли.

Галина:

Ой, шаурма, давай я тебя приглашу,
С утра не ела ничего.

Гамлет:

Ладно, сам возьму.

(Сели, Едят)

Галина:

Там, в прошлой серии, он в общем решает,
Не понимает чё ему делать дальше, ну в общем
Решает как ему окочуриться, таблетки там,
прыгнуть в окно, но это же больно, ну в общем
боится. Потом думает какие есть причины жить
— ну там женщина, жена тоже вроде есть,
Так непонятно что с ней делать дальше.

Ничего больше того, что делаешь, не сделаешь.
Ничего другого не будет.
Работа вроде хорошая у него,
На жизнь хватает.
Непонятно одно — зачем сама жизнь,
чтобы что?

(Звонок мобильного)

Гамлет:

Але, чего? За четыре куска?
Какого года машина? Хорошо, буду через 20 минут.

Слушай тут машину надо посмотреть,
Вчера пригнали, БМВ, полчаса подождешь?

Галя:

Ладно, не опаздывай, а то рынок закроют.

(Гамлет отъезжает)

Быть — надо.

Болезнь нельзя.

Помоги чем-то или какой-то быть.

30 минут конечно подожду.

Нет выше обозримого ничего и ниже тоже,

А если закрыть глаза — то одно дно.

Каждый тем не менее рождается

С маленькой информацией о том.

Продать дубленку,

котлеты в кулинарии,

Заплатить за квартиру.

Если с шубами повезет, поехать в Турцию.

А вдруг не надо это все,

Может просто выйти на шоссе и

До первого обморока вдоль пойти.

Гамлет (возвращается):

Ну что соскучилась, пошли.

(Идут в примерочную. В примерочной).

Юбку можешь оставить.

колготки полностью снимай.

Галя:

Смотри — а здесь нет потолка,

Вроде в примерочной, а видишь все помещение рынка,

Его верха.

Гамлет:

Ну ты совсем как доска.

Галя:

Если раздумал, я пошла,

Не светят значит мне меха.

Гамлет:

Постой, надо перейти в медпункт,

Там кровать и кран,

сможешь подмыться если что.

Галина:

А медсестра точно ушла?

Гамлет:

Да она не приходит почти никогда.

Все бует нормально,

Минут двадцать у нас точно еще есть,

Пока Рафик не позвонил успеем,

Давай свитр поднимай, а юбку оставь.

(идут в медпункт, Галя ложится, поднимает свитер, задирает юбку и вдруг вскакивает с кровати)

Гамлет:

Ты что издеваешься что ли, сука,
Такую бесплатно даже не надо

Галя:

Почему?

Гамлет:

Дешевая потому что фактура, вон везде целлюлит.

Галя:

Не обижайся, так сильно запахло йодом,
Не собралась, ладно,
давай не буду дышать носом, только ртом,
начинай.

Человек человека не интересуется,
как человек не интересуется. Интересует его какая-то нужда,
продавать мех. Зарабатывать больше.

Гамлет (бьет ее по лицу, застегивает ширинку):

Фригидная что ли, коза.

Галя:

Я торгую,
Я средне торгую,
Средний товар. Среднее боди и даже ниже.
Средний фейс. И любовь средняя и смерть.
Кому нужен вот один такой человек как ты?
А какой ты с мамой в промежутке между понтами?

Гамлет:

Моя мать — скажу тебе — блядь.

Блядь по всем параметрам она,
Блядь по жизни, свинья.

Галя:

А чего так?

Гамлет:

Ничего. На фабрике завхозом работала,
По ходу высшей категории швея.

Галя:

И что здесь плохого.

Гамлет:

А то. Если партию любишь,
А теперь любишь то, чего теперь дают,
ларек, например, свою поставку, лоток,
сожителя Леху.

Была бы вся страна — монастырь, бля.

Галя:

Ты знаешь, когда-то как бы все было у меня хорошо.
Вдруг неожиданно поехало,
Как будто уже никого не люблю.

Телевидение мой телохранитель,
смотри на меня всегда.
А еще я снег сильно люблю,
Какой-то хотя бы мой полог.

Гамлет:

Поедем ладно ко мне,
Недалеко в текстильщиках здесь в двушке я.
Москва, Москва, Москва, Москва.

(садятся в машину Гамлета)

Галя (в машине):

Никакого настроения, никакого впечатления,
никакой атмосферы,
Святые живут и умирают без веры
Приткнувшись к глухой двери.

Гамлет:

Приехали, вот каток,
хоккеист, видишь, совсем намок,
У меня дома только водка и сок,
Отвертку пью перед тем как лег,

(входят в квартиру)

Помоги раздвинуть диван, вот так, я лег,

Давай уже, иди.

Галина:

Я только сполоснусь подожди.
Гарнитур с собой прибалтийский захватила,
Если не понравится, скажи.

Быстренько щас,
ой как у тебя грязно.

Гамлет:

Это тебе не Рэдисон, понятно?

(выходит в дешевом кружевном белье).

Мне на белье наплевать,
Давай бери в рот, ты чего блядь,
Не понимаешь опять?

Галина:

Норку продавать хочу, все остальное не мех, а дерьмо,
Хоть и берут,
А все равно только с норкой работать хочу давно.

Гамлет:

Давай, оглохла?
Алло.

Галя:

Так у тебя же не встало еще.

Гамлет:

Как оно встанет, если ты как околевшая, ё моё.

Галина (вдруг включает телевизор):

Уже начинается тот сериал,
Потом во время рекламы тебе это самое, ладно?
Щас вот путин договорит....

Имидж Путина на экране:

«Мы всегда стояли за организованность, Мы всегда смотрели за ситуацией.

Вступление в ВТО предполагает новый виток в развитии экономики России.
Мы приближаемся к осуществлению этой идеи.

Дорогие сограждане, мешают нам враги
понять великую сердечную простоту,
Мешают нам
Любить и верить.
Не понимают нашей радости.
счастья и благодати,
Нашей победы, с которой мы умеем умирать на любой
Помойке родины.
Дорогие сограждане,
хоть и в кредит но мы уже в раю,
Вот почему сияем, сияет Москва,
Летит в автомобилях вперед наш народ.

Каждый из нас теперь выглядит как на
Фирменной фотографии».

Галя:

Что прикрывает дыру, ничто?
Телевидение, новое пальто,
Каждый несет внутри трещину с окно.

Кто пластырем клеит, кто кляпом забьет,
Кто стекла ставит,
а я ветер пропускаю сквозь нее.

Гамлет:

Ну все, уже реклама, до начала сериала успеем,
С чего начнем, с орала или с анала.

Галя:

С моей точки зрения все одно, одинаково далеко.
На дому, в отеле или на свалке,
С какой стороны палки.

Дыра— дыра

Не дыра — не дыра,
хотя дыра — вещь достижимая легко,
И не-дыра тоже.

Гамлет:

Так тебе лучше наверное сюда.

Галя:

Может быть, ты выбирай, а я подожду.

Гамлет:

Тогда без презерватива,
с гандоном чего-то сейчас не хочу.

Галя:

Ладно, ради меха, я потерплю.

Если ты хочешь, конечно, того,
что ты хочешь,
Если ты знаешь как это сделать.
Если умеешь проникать в то,
что и так открыто.

Давай, время пошло.

Гамлет:

Ой, подожди, новый клип Фриске
Посмотрим?

Галя:

Ладно, я пока одену трусы?

Смотри — золотые,
Вот и у Стоцкой трусы в последнем клипе — золотые.
Мне золотые ни разу не поставляли.
А серебристый, металлик привозят,
Металлик вообще сейчас идет хорошо.

Гамлет:

Такую телку можно снять на месяц
Тысяч за сто.
Рафик мог бы снять, но говорит,
И дешевле не хуже.

Галя:

А я бы если пошла на панель,
Только бесплатно.
Интересно, если бы девчонка полюбила всех

Так же сильно как Христос,
Она бы бесплатной проституткой что ли стала,
Она бы совсем что ли не разбирала,
Кто ее в разнос, а кто взасос.
Сильно бы плакала, страдала,
Но всем разрешала.

А если б я рисовать как художница стала
Детям бы с картинами своими
Играть разрешала,
Скульптуру бы как рафинад ломала
И под язык, в рот.
Или бы с выставки забра́ла
И относила шпагатницам из города Рудня впрок.

Гамлет:

В Рудне — не знаю,
А в Москве этот арт что такое
Что это денежное и крутое,
знают, так что продадут.

Галя:

Так пусть цену ничего не приобретет,
Пусть на бес-ценное пялится рудненский народ.

Гамлет:

А ты рисовать что ли умеешь,
Если нет, так не пизди.

Галя:

Я умею еще только хотеть отдавать,
А отдавать белье бесплатно мне нельзя
Я Артуру буду должна.

Хотя допустим если я бесплатно товар отдала,
А натурой сама расплатилась,
Но за все товары расплачиваться не хватит меня,
Изношуся я,
Да и не захочет он от меня оплаты всегда,
Разнообразию человеку нужно, зачем ему все время я.
Товар не может быть один.

Гамлет:

Если такая бескорыстная бля,
Че со мной пошла.

Мех ты не потянешь
Элитный товар — не твое,
Раком давай вставай,
А то вообще с лотка попру.

Галя:

А что же я потяну?
Даже на белье что ли не тяну,

А на варежки, шнурки,
Детские китайские портки?

Гамлет:

Ладно, на белье оставляю,
давай в общем сзади.

(Звонок на мобильный)

Алле, да, уже привезли?
Сколько секунд-хендов, две? ничего,
Навесим ярлыки, чистка и пойдут по 700.

Галя:

Опять трусы надевать.
может мне уже домой пойти?
В следующий раз например тебе дать?

Гамлет:

Че плачешь, все равно же блядь,
А плачешь как будто ребенок опять.

Галя:

Как же мне страну-то любить, вот почему я плачу,
Как же ее родной-то считать,
Как же в ней засыпать?
Кого не знаю любить,
Может тебя любить начать?

Гамлет:

А че, люби наздоровье,
По любви ж дешевле,
Это же выгодно всем:
Мужикам, президенту,
Государству, всей стране.

Галя:

ВТО, ВТО,
МВФ, ПРО,
ООН, ОБСЕ, О

«Детали» начались, посмотрим
Канделаки надела чё.

Ведущая (манерно, вычурно и вульгарно):

Руки даны мне — протягивать каждому себя,
Не удержать ни одной, губы давать имена,
Они — не видеть высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежной — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжелее,
Безостановочно ходит и ходит в груди —
Это — кто знает? — не знаю, — быть может, — должно быть
Мне загоститься не дать в российской земле.

[из Цветаевой]

Галя:

Конечно, что ж тебе делать здесь
Ты к себе на Кавказ едь!

Гамлет:

А мне где быть — здесь или там.
Может вернуться опять в Дагестан.

Галя:

А мне где быть — там или здесь,
Если понятен контент жизни весь.
Быть можно только где-нибудь,
А если хочется быть везде?

(звонок на мобильный Гамлета)

Гамлет:

Алле, да мама, не знаю, щас не могу,
Вроде ничего, ладно, потом, да,
Конечно, хорошо, куда я денусь,
Куда я денусь, куда ж я денусь,
Курю, да, а у тебя жизнь
Как? Идет в смысле, идет она?
Разъединилось, как всегда.

Я должен быть на рынке в 7 утра,
Метро закрылось,
Не повезу тебя уже никуда. Ложиться мне уже надо,
Хочешь оставайся, спи, вот одеяло, на,
Или бери тачку, езжай домой сама.

Галя:

Поздно, я тут полежу до утра.

(Ложатся в разных комнатах. Галя через 20 минут встает, подходит к уснувшему Гамлету)

Галя (почти по слогам, по-ребячьи):

Что для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба,
Человека — в нем.

Мне дождя и радуги,
И руки нужней,
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с язвою

мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!
(из «Стихов к сироте» Цветаевой)

(пауза)

Хотеть — это дело тел,
А мы — души
Отныне...

(пауза)

Не попадаем в такт
Возьми под руку! Не каторжники, чтобы так!

(ложится рядом)

Ток.
Точно мне душою кто-то на руку лег!

Тепло, ребро — потому и льну так.
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.
Та женщина, — помнишь, мамой
Звал? — все и вся
Те — бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми ! Сжились, Сбылись! И жмусь и
Жизньи неотторжимо.
Бросать как вещь
Меня не единой вещи
Не чтившей в сем
Вещественном мире думом!
Скажи что сон!
Что ночь, а за ночью — утро
Экспресс и Рим!

(засыпает на диване рядом с Гамлетом)

(6.30 утра. Просыпается Гамлет. Галя еще спит)

Гамлет:

Кажется уже рассвет,
Собираться надо, рынок не ждет, это ты? Привет.
Мне приснился мир, в котором не было стен.
Тебя видел близко кожей к коже, до самых вен.
Ветер, ветер вокруг, а не в ванной фен.

Галя (просыпается):

Тяжело, а до смерти далеко,
Умножим это на два и станет легко.

Гамлет:

Сколько идет этих лучей в окно,
Может место и время уже прошло?
Помаду твою дешевую как разнесло,
Сотрем ее туалетной бумагой и увидим лицо.

2008

КОМЬОНИОН

Действующие:

Нита — фото-художник, дочь крупного бизнесмена

Ира — ее подруга, арт-критик

Диамара (Диа) (*сокр. от «диалектический материализм»*) — маляр из Назрани.

Та же Диамара в конце пьесы — вальяжная московская метросексуалка

Нита:

Живот мой...

Ира:

Я говорила вреден общепит,
Коньячный спирт нас не спасет от нелюбви.

Нита:

Я только ради Вячеслава выпиваю
чтоб общность между нами возникала.

Ира:

Зачем тебе мужчина, если есть машина у тебя
И деньги есть и в Бога веришь и понимаешь Его
Так точно порой интерпретируешь писание,
и ноги есть и грудь на месте
И Гуччи носишь и прекрасный ты художник
И вид с окна великолепен,
А пахнешь как райская трава,
И причащаешься и благодать имеешь вроде
И любишь родину и роду аристократическому
принадлежишь.

И в технологиях ультрасовременных разбираешься.
Добра ты, и не бывает у тебя депрессий.
И в государственном устройстве понимаешь все,
И в государстве живешь таком хорошем,
Участвуешь в проектах государства в качестве дизайнера
и духовник тебя считает полусвятой,
и предки благородны и прекрасны.
Морепродукты каждый день
и вкус изысканный.
Икона мироносит в комнате над изголовьем
и свят, и свят, и свят...

Диамара:

Так это в ней самой все это, а себя она
Не видит, значит и любить не может.
Вот почему другой ей нужен для любви.
Она ведь, знаешь, кроме Вячеслава
Еще и футболиста полюбила.

Ира:

Ну как же полюбила ты футболиста,
И за что.

Нита:

Я перечислю мотивации своей любви:

1. Трусы такие тонкие и тело темное большое
2. Тяжелый подбородок и зубы белые
3. А пальцы на ногах ты видела?

Они красноречивы и свидетельствуют о латентном интеллекте.
Вот фотография.

Ира:

Не знаю, по мне, тупой как слон

Нита:

Да ты с ума сошла, смотри
Какое лицо, глаза и уши.

Ира:

Так я не поняла ты Вячеслава любишь,
Или этого козла.

Нита:

Конечно, Славу, он художник все-таки, но у него жена.
Для секса голый футболист, а для души — художник.
Ты знаешь в мастерской так все осмысленно,
Набросок его каждый — просто откровенье,
И вот вчера когда мы пили спирт со Славой
Я в лифчике была Махмага
Но видимо так сильно он хотел меня, что
У него не встало.

Ира:

Опять тебе наверно импотент попался,
И вы ушли?

Нита:

Меня рвало сначала,
Потом он мне сказал, что если сильно любишь,
до секса доходить сложнее.

Диа:

А Бога своего когда ж ты любишь

Нита (закуривает сигарету и лениво декламирует):

Реальность невозможно унять,
Политика неумолима,
Но когда я вижу бога опять
Все преодолимо.

Эминем меня давно достал
я Арэнби полюбила
но Бог это то, что престижнее во сто раз,
круче чем моя машина.

Бог вам очень понравится,
Ибо он может многое дать,

Он всегда с тобой
Всегда со всеми везде,
Говорит молча,
Сопровождает в темноте,
Ему не надо платить,
Только упоминать,
И просить можно у него почти все.

Ира:

А ноги как у Наоми Кэмпбелл тоже?

Нита:

Не знаю, мне он дал ноги как у Мадонны,
С мышцами со следами накачки,
Такие ведь помнишь нравились Вадьке,
Но я хотела только выше колен
Голени я уже просила другие,
Но молитвы как бы наложились.

Диа:

А я ничего у Бога не прошу
Муж есть, ребенок там,
Зарботок, квартиру заказчик предоставляет.

Ира:

Я поняла, что такое, девочки, верить,
это типа когда все — дерьмо,
а ты заставляешь себя, чтобы
нравилось оно.

Диа:

Мало таких людей, которые любят людей,
перед глазами вакуум, ничто,
а они все время за свое — ласки ждут,
сами-то не могут ее дать.

Ира:

А я, например, все время могу что-то ласкать,
посуду ласкаю, шкафы, очень люблю камни фен-шуй,
двери там обнимать.

Нита:

Если что из шмоток в моде — значит душа есть в этом кламоте.
Если что на теле блестит, значит и тело само блестит.
Меня папа учил все лучшее ценить, понимать красоту вещей,
Следует покупать только эlegantное то — все — что.
Трусы, кнопки, ножи.
Мы тебя выбрали Диа, так как много в тебе души,
Ты стены так плотно красишь, а узоры на подоконниках так свежи.
Только долго вот работаешь как-то,
производительность, эффективность низки.
Комната даже на треть еще не сделана,
Карнизы недокрашены, лепнину надо доработать,
Полы не скреплены.

Диамара:

Так вы же сами заходите, болтать заставляете,
о боге, душе, вере, универсалиях,
человечестве, красоте.

Нита:

Ладно, мы тебе сейчас чай принесем и пойдем.

(Ира приносит Диамаре чай, они с Нитой уходят)

Диамара (поет любимую песню своего деда):

Мы коммунисты тем,
что ногами в сегодня стоящие,
тянемся к завтра в темя
и тянем его в настоящее.

Мы коммунисты тем,
что слышим класс безгласый,
всех, кто разрознен и нем,
собираем в поющую массу.

Мы коммунисты тем,
что даже шагая по глади,
моря встающего чуем темп
и не прячемся сзади.

(прекращает петь)

Интересно быть кул,
выдыхая погружаться в свиминг-пул.
Задницу держит утенком, вот, Ира,
чтобы не утекало от не либидо. И лира
жопы побеждала.

Решетка плюс человек,
Кто знает на эту загадку ответ?

Нита говорит про веру, благодать,
Ира про искусство,
а я могу рассказать про одно чувство,
только не знаю как сказать...

вот мы с Саней и Генкой прямо с Казанского приехали в общежитие, все нормально, должны вселиться,
и паспорта уже сдали и вдруг замдиректора говорит,
ремонт, говорит, и только с ноября могу оформить, т.е.
через 6 месяцев, а у нас денег только на еду, на пока
работу найдем, ну ушли оттуда,
Саня пошел к заказчику бывшему, может, говорит, что из работы уже
есть, а я на скамейке с чемоданами на гоголевском с Генкой жду,
куда идти с ребенком если сегодня, думаю, ничего не найдем..
Семь часов просидели. Генка бегаёт, то на чемодане
уснет, то на коленях у меня. А я такой почувствовала покой,
за себя покой, за всех, всё думаю хорошо, нет муки,

невозможна она, если красиво стерпеть,
Генка, иди сюда, ему говорю.
мама — он говорит — я посмотрел в лужу, там улыбается чье-то лицо,
а я ему говорю мы лечь сегодня должны не в постели Гена, а здесь,
так что ко мне на колени лезь,
его курткой накрыла и сама глаза закрыла.

(Действие на видеозэкране: едут Нита и Ира. Нита за рулем)

Нита:

Прикольная эта Диа,
странное имя Диамара.
ты знаешь, хорошо работает, мало берет,
только медленно и еще ночью остается.
не на вокзал же ее отправлять.

Пока работает пусть живет.

Ира:

А потом, что ли, пусть умрет?

Нита:

Да типун тебе на язык.
Я просто пытаюсь облагораживать, образовывать наш народ.
Надо начинать с искусства, потом стиль,
макияж, крещение.
В принципе даже быдлу доступен полет.
Заедем в один новый шоп.
В шесть у меня укладка, полчаса подождешь?
а потом на петровку вместе съездим,
там к иверской иконе сегодня прикоснуться дают,
успеем перед открытием.

Ира:

Нет, в магазин не поеду,
мне еще к макетчику, вечером вернисаж,
времени вообще не хватает, улет.

Нита:

Так икону потом увезут,
Ты что, она ж мироносит,
Все о чем просишь, дает.

Ира:

Завтра сама буду на машине,
перед работой заеду, приложусь,
что за тупли, новые что ли?

Нита:

Что ты, я их уже надевала,
правда — кул? Дорогие,
Три штуки, в Иерусалиме покупала.

Ира:

Обладеть как тебе идет.
Но я бы за туфли столько платить не стала,
у тебя же там Настя живет,
ей бы таких денег на три месяца хватило.

Нита:

Ир, ты рассуждаешь как мещанка,
как завистливый, некультурный народ.
Я, знаешь, столько Насте и детям ее надавала,
не бойся до отвала.

Ира:

Мне-то что,
Главное, чтобы Господь любовь к моде понимал?
Тачку твою, черепаховый суп, суфле.
Ой, смотри, на рекламном щите
Волочкова рекламирует бидэ.
Идиотская печать, даже шрифт не смогли подобрать.

Нита:

Ир, для верующего человека
обóжено всё,
даже это тупая реклама
в каком-то смысле бога лицо.
Принимаешь Бога, прими и мир,
и то, как наш Господь за ним следит.
Важно, конечно, то, что будет на небесах,
Но и жизнь Богом освящена,
Богатство, роскошь, красота — лишь жизни естественная часть.
И потом если не будет богатых,
кто бедным будет помогать?
Эти же левые удавятся, прежде чем
копеечку кому-то подать.
А бедные были и будут,
убогие, неталантливые, завистливые, некрасивые и больные.
Им такое место Господь отвел, таким образом страдать.
А мы по своему страдаем и им помогаем.
А некоторые же сами хотят бедными быть,
Если сами хотят пропадать, мы должны им сострадать
и по возможности помогать.
Вчера папа нашему механику три магнитофона дал.
Я Дусиным детям каждый месяц конфеты посылаю.
Диамаре этой собираю куртку свою Кензо отдать.

Ира (выходит из ее машины):

Ну все, икону за меня поцелуй, побежала телефон звонит опять.

Нита (у иконы, в церкви на Петровке, прямо напротив музея Церетели):

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй,
Господи прости за любовь к успеху, деньгам,
не могу им противостоять, хочу быть лучше,
успешнее, стильнее всех, не хочу ходить по рукам.
Власти, силы, влияния хочу от людей и послушания,

Я заслуживаю, я же голубых кровей, как и Ты сам.
Хочу также семьи своей, города и родины процветания,
Хочу чтобы всё, что я люблю имело признание.
Подай господи знания и понимания,
Научи мудрости управления и завоевания.

(целует икону, садится в машину, звонит телефон)

Нита:

Алле, Слава, сегодня вечером? Ладно после вернисажа,
Только у меня,
Заодно обсудим выставку, свет и формат.

Диамара (в это же время в квартире Ниты, отдыхает после побелки, берет трубку, как бы отвечает на звонок мужа Сани, сторожа):

Да, поела уже, заказчица ж ушла,
чай пью, новый завет читаю, заказчица дала,
такие люди вообще,
как свою крестить будут
в воскресенье представляешь?
Как же не верю,
верю я, быстро я все усваиваю.
Вот например, сидишь ты в сторожке,
про что ты думаешь, например, сейчас,
ну ладно, телевизор посмотрел, поел,
а ты потом начни долго смотреть на то, что ел,
долго потом смотри между предметами в воздух,
вот это Саня называется — пустота.
Людям Саня кажется, в ней нету ни хрена,
скучно, тоскливо с ней, без вещей она.

Так вот, когда не тоскливо тебе без вещей,
когда между вещами реет весна,
вера это уже — да.

(Неожиданно Нита со Славой заходят в квартиру)

Нита (Дие):

На тебе штуку и Вог, посиди, почитай в кофейне часа полтора.

Диа:

Нит, да мне полтинника хватит,
ладно, не беспокойся, я пошла.
Ой, Москва,
вещи в тебе существуют как еда,
а еда как вода, которая
не насытит никогда...

(в кафе)

Мне пожалуйста чай и кекс вот этот.
Сразу заплачу если можно, вот четыреста.
Обнимитесь миллионы, да. Ничего себе.
Попробуй обними вот того с газетой, да.

Официантку, хоть вроде простая и то не обнимешь,
пой ласточка пой, не унывай, да.
Чай, да спасибо. Еще минуточку, да.
Столик — не возвышенный совсем, да.
Простите молодой человек. А этот столик безвкусный?
Нормальный? Хорошо.
Значит невозвышенный, не потому что дизайн дешевый, да.
Просто чего-то ему не хватает.
Подожду еще минут двадцать, а вода сколько стоит?
70. Принесите пожалуйста, в полтинник укладываюсь, да,
Бог даст, уложимся, да.
Еще долго не умрем, а потом в конце да.
Девушка я расплатилась, деньги на столе, спасибо, да,
Я пойду, работать не дают, то секс, то крещение вот завтра у меня.

(Входит в квартиру. Вячеслав уже уехал, Нита пьет Кампари и не замечает, что Диа проходит по коридору в туалет. Когда Диа выходит из туалета Нита направляется в него же, они сталкиваются)

Нита:

Ты что в моем туалете была?
Он же только для меня,
Ты же знаешь в этот тебе нельзя,
не ожидала от тебя.
Я же тебе сказала, когда наняла,
Тот сортир для моих гостей и меня,
а, напротив, для всех работников и тебя.
Придется срезать с тебя 20 процентов за такие дела.

Диа:

Да я машинально, я всегда в свой хожу,
клянусь, случайно, не подумав вошла.
Ты же сама в подруги меня взяла.

Нита:

Чтоо? Так значит, ты давно повадилась срать сюда.
Я же по хорошему, по дружески просила тебя.

Диа:

Нита, клянусь, не ходила я ни разу,
Совершенно случайно сейчас зашла.
Не увольняй меня.
Ты же крестить меня завтра должна.

Нита (открывает дверь туалет, хныкая):

Кошмар какая вонь,
Да ты же нормально за собой даже не залила.
(почти в слезах с брезгливостью и отвращением).

Диа:

Щас я все помою,
Если у нас духовная связь
Какая разница кому в какой унитаз срать.

Нита:

Ой, про крещение забыла.
Нет, конечно, покрестим.

Диа:

Значит не уволишь...

Нита:

Да ты не поняла,
Я, конечно же, сорвалась, извини,
Но у меня презентация через месяц,
Мне хата нужна срочно понимаешь.
Ты не справишься одна.

Диа:

Я Саню попрошу помочь,
Он в семь освобождается,
А Генку с собой будет брать, пока работаем.
Он тихий, не будет мешать.

Нита:

После семи у меня как-раз
встречи могут быть здесь.
Ты, допустим, можешь на час свалить,
если я попрошу,
А с ребенком ну куда я тебя погоню.
Не переживай, я нормально заплачу.

Диа:

Да я ж не про то.
Работу я всегда найду.
И жить где найду.
Санька же еще шесть месяцев у заказчика работает,
Еще шесть месяцев есть жить где...
Я про то, что ты говорила...
Ну помнишь,
что
каждый через себя два,
отец-сын, мать-дочь,
муж жена,
сестра-сестра, человек-человек.
Почти как ты и я.

Нита:

Я тоже тебя дорогая люблю,
На выставку придешь, я тебя приглашу.
В смысле и после крестин можем по ходу общаться.

Диа (плачет):

Я ж Нита уйду, я совсем уйду,
креститься не буду, потеряешь меня,
вот смотри, одеваюсь уже, вот совсем уже ухожу,
вот руки мою, уже обуваюсь, дверь открываю,
но пока стою, здесь стою, с тобой стою,
хочешь я тебе сейчас спою.

(поет)

Не надо мне награды, не надо мне пощады,
А дайте мне винтовку и дайте мне коня,
А если я погибну, пусть красные отряды,
Пусть красные отряды оплатят за меня.

Мороз ты мой холодный, паек ты мой голодный
И почтальон сказал, что писем нет давно,
Не будет он напрасным наш подвиг благородный
И время золотое наступит все равно

Нита (захлопывает дверь и затаскивает Дию обратно):

Дура, я же тебя столько учу,
Духовная связь — помимо всех этих люблю-не люблю.
Труд отдельно, Суд Божий — отдельно,
Мир здесь, Бог — там,
Пир здесь, Пот — там,
Плоть здесь, Душа — там

Диа (вцепляясь в Ниту и тряся ее):

А боль — где? Всё — где?
А живот — где?
А ты — где?
А мы — где?
Солярий — где?

Нита:

Отпусти, дура.

Диа (держит Ниту за волосы и кричит ей в ухо):

Давай так постоим, тихо, пока,
Я, пожалуйста, не отпущу тебя пока.

Нита:

Да больно же, корова.

Диа:

Сейчас, сейчас, вспомню что-то важное подожди

Нита:

Ты потная, воняешь, отойди.

Диа:

Я бы сразу ушла,
только боюсь, выйду, людей не найду,
останусь одна, где что искать,
нездешняя я, ничего не знаю.
Ты меня здесь еще поддержи.
Что этот бог хочет, объясни.
Почему все его любят, но совсем между
собой не дружат.
Вместе молятся, стоят, а потом,
рванут врассыпную,

боятся даже посмотреть друг другу в глаза.

Я у бабушки одной спросила,
она не ответила, перекрестилась
и к выходу пошла.

А я почувствовала, если Бог хороший
и есть у него во мне нужда,
пусть и у людей во мне будет нужда,
а так чего мы стоим,
лучше магазин открыть, кусочек бога там купить.

Нита:

Дикарь ты, несмышленное существо.
Это же тебе не ПТУ.

Диа:

Истину нарочно не придумашь.
Никогда не понимала то, что вижу,
Как думаю все это понимать,
Как все расположено — деревья, небо, дома,
потом еще и еще они же опять, не вижу все это.
А людей вижу — они точно есть,
а всё остальное есть приблизительно,
никуда не идет, стоит, а люди всегда идут,
и странно, чаще всего проходят мимо
в первый и последний раз.

Знаешь все время новые люди вокруг,
и так каждый день начинается с новых людей.

Нита:

Ну есть еще родственники, соседи, друзья,
просто знаешь в каких местах их встречать.

Диа:

Да, но все равно, каждый человек
видит все время новых людей.

Нита:

А ты что хочешь всех узнать и понять?

Диа:

Да нет, я просто вдруг удивилась,
мир все тот же, а люди новые опять и опять.
А те, кто старые друг друга боятся,
что другой обманет, может что-то отнять.
Вот и ты боишься меня к себе привязать,
как будто я что-то в твоей жизни могу поменять.

(вдруг кричит и смеется в истерике)

Обманула я всех,
нет у меня ни мужа, ни дитя,
одиноко приехавшая я.
Возьми мне грудь ты в рот,

моя ты будь любая,
полопочи, покушай молока.

Когда я люблю, я ничего не скоблю,
Я не работаю, не ем, не пью.
Бывую просто и жду.
Я поэтому не дотрудилась до конца,
хотя бы быстрее эта любовь прошла,
а то зарплату не получу,
карнизы не доточу, ничего не успею.

(Приходит Ира с лэп-топом, стоит, слушает, недоумевает)

Не дотрудилась из-за тебя,
гонишь за это меня.
труд, труд, труд, труд,
душит любящий люд.

Нита:

Кто-то пишет стихи, кто-то метет,
Кто-то снимает кино, кто-то поет,
Кто-то проповедует, речет,
Кто-то мою машину моет, ведет.
Это и есть бытие, всё по всякому, для всех по-разному,
на своем месте,
а между сущностями божественный проем.

Ира (разнимает Дию и Ниту):

Не трогай Ниту, отстань от нее,
Послушайте лучше, я вам стихи прочту:

Собрав половину волос в сады,
Собрав половину волос в сады,
Собрав половину волос в сады, она
остановилась, во взгляде блестела слеза,
и ветер направил ее все ниже пока
рот обжигая она — не застыла.

Нита:

Просто гениально,
Только что сочинила?

Диа:

А я стихи не люблю.
Фасон это все.
Ира скажи ей, попроси,
Пусть до следующего месяца доработать даст.

Ира:

Ты понимаешь божественность этой минуты?
Как падает свет сейчас из окна,
Как лучатся твои серые глаза.

(касается рукой ее груди)

Как под сорочкой дышит грудь.
Каждая минута бытия суть.

Диа:

А деньги за этот месяц она мне заплатит?
Мне же на дорогу тогда не хватит.

Нита (закуривает сигарету):

Эстетического чувства — ноль.
Видишь как серебрится в дыму сигаретном эта моль?

Господи, благодарю тебя за этот мир,
За его красоту, полноту,
За любовь, которая наполняет всех нас,
За качественный, наконец, из «Азбуки вкуса» квас,
За мой фантастический профиль и фас.

(Звонок на мобильный Ниты)

Нита (берет трубку):

Да, в принципе работы понравились,
Ты знаешь, талантливо, концептуально,
но не достаточно радикально.

Диа:

Ой — в душе все умерло,
А работать придется еще,
Без любви трудиться,
Без надежды вставать и идти
Без веры смотреть в глаза таким же, как я.

Машина я значит, и ты машиной была.
Теперь поняла как надо ходить,
Вот так в забытии, замерев, видеть один распад,
Любить себе запрещать, ростки ее отрезать.

Нита:

Так ты же сказала, что врала,
Что нет у тебя никого.
Ни мужа, ни сына,
Любить тебе некого все равно.

Диа:

Ах, Нита, ты видела как прыгают птички,
Птички — это же чкички,
А чкички — по нашему дитё.
Может и не надо меня крестить,
Если бог есть, меня сам найдет.

Бывает, что можешь любить и то и то,
почти всё.
Как будто вдруг всё как любовь стало,
У тебя такое бывало?

Не отвечаешь. Значит ничего,
ничего, ничего, не было,
нет и не будет.
Значит вместе не были,
значит и ты Нита была одна,
есть и будешь до конца,
значит не шли мы сообща Ты, Ира, я,
в местá сердечного желанья не шли,
не падали в воду сердцем ради того, чтобы навсегда...
чтобы какая-то клятва любви хранила тайно и была,
не было значит ничего, ибо ведь как это всё было сказать нельзя,
видишь, говорю, а получается не так,
как же это господи, как же так,
все совсем другое, чем было,
а каким было не понять.

Листики стоикам зачем,
они не смотрят ни вниз, ни вверх,
только прямо, поверх всего, всех....

(Нита вдруг расплакалась, несмотря на решимость уволить Дию, набрасывается на нее с поцелуями.)

Диа:

Ах, Нита, что другим кажешь,
что в сердце несешь — разное.
Кричи, ожесточайся, душой криви,
а тебя сестру я сразу признала,
Ах, Нита — не цветы мы, не горы, не ручьи,
не можем самозабвенно стремиться как они,
не имеем права.

Придерживать надо все — деньги, слова,
и в первую очередь — руки.

(пауза, какое-то время Диамара собирает свои вещи, все молчат)

Пошла я тогда, лежанку возьму, эти новые так удобно крепятся к спине,
а матрас оставляю, подушку тоже, постель у тебя беру,
и вот это книжку — как называется — «Стоики», почитаю в метро.
Это которые проповедуют ко всему относиться никак?
Не любить, не верить, не надеяться,
не скорбеть, не жалеть, не ликовать, просто продвигаться пока можешь,
как есть, все равно как.

(Выходит на улицу, звонит, хохочет, уже совсем другим тоном)

Ну все, Толь, наконец-то.
Кем была в этот раз?
Маляршей из Назрани.
Сработало еще как. Иду к тебе в Ваниль, позвони Диме,
пусть подгонит мою машину туда же,
Нет, маленькую. Ощущение кульное, придешь, все расскажу.
Я даже камеры ставила.

Смонтирую сначала, потом покажу. Кто?
Клуши типа духовные, богатые парвеню, одни понты.
А раскладушку как трофей сохраню,
ну да, не все же время в шоколаде,
надо ж иногда пожить,
нет, дорогой, слава богу, секса не было, одни бабы,
в общем «мы сестры, ангелы, поэзия, сны».
(кладет трубку)

(Еще один звонок, это звонит Нита)

Диа:

Ты Нита? Да...да..
Каждый через себя — два.
Я — ты. Ты — я,
Так пусть поступит вся страна.
Труд, мир, небо, земля.
Встречаемся через полчаса
Пойдем не с грустью делать жизнь.
Теперь ветку любую с земли подними,
не просто так, а служебно-учась и беги,
ветку смотри не урони,
впереди держи, так до меня дойди.

2009

Бумага, на которой напечатана эта брошюра, в полиграфическом производстве называется «крафт». Такой же пользуются работники почты и многих других технических отраслей.

Труд автора вложен не только в тексты, напечатанные на этой бумаге, но и в делание самой книжки, ее послепечатную обработку. Возможно, именно потому, что поэты, как правило, не были заняты материальным трудом, то, что вы держите в руках, не похоже на «нормально сделанную» поэтическую книжку. Подобная «сделанность» может сказать не только о том, что обычно за них это делали другие, но и то, что поэтами это странное разделение наконец замечено.

Конечно же, ремесло поэта, прежде всего, заключается в производстве «речевых вещей», подразумевающим умение видеть фактуру языкового материала и умение преодолевать его сопротивление. Однако чувствительность к материальности языка и непрозрачности формы при известной последовательности приводит к анализу материального уровня бытования литературы и непрозрачности ее отношений с обществом и, как следствие, к пересмотру границы между «искусством» и «тем, что его не касается».

Эту серию можно понимать как стремление людей, являющихся специалистами по словам, обрести квалифицированное отношение к самим вещам, стремление понимать дело литературы не как некое привилегированное ритуальное действие, а как способ людей освоиться с жизнью, стремление к упразднению разделения труда на «творческий» и «ручной».

Совместная серия альманаха «Транслит» [www.trans-lit.info]
и Свободного марксистского издательства [www.pasolini.ru/fmp.html]

The word 'kraft' is rendered in a large, bold, sans-serif font. Each letter is filled with a dense, textured pattern of fine, parallel lines, giving it a woven or knitted appearance, consistent with the 'kraft' paper mentioned in the text.